

рицать, что порою **отдѣльныя части** красной **арміи** сражались храбро. И все же достаточно ясно, что **общій духъ** ея былъ весьма невысокъ. Онъ далеко отставалъ отъ духа, отличавшаго русскую **армію** въ первые три года **міровой войны**. О храбрости, ею тогда проявлявшейся, у насъ есть многочисленный свідѣтельство в р а г о в ь. Восторженно отзывается о ней, **напримѣръ**, генералъ **Максъ Гофманъ**; онъ въ Бресте выражалъ изумленіе, какъ это могло случиться съ такой превосходной **арміей**, какъ русская.

Я не вхожу въ **разсмотрѣніе** техъ чувствъ и настроеній, какія могли быть у нашихъ солдатъ въ 1914 году. Вполне возможно, что очень значительную часть ихъ **дѣлъ** надлежитъ отнести на **счетъ инерціи** вековой, при всехъ своихъ недостаткахъ очень мощной военно-политической машины. Насъ здесь занимаетъ вопросъ не о **1914-омъ**, а о **1917-20 годахъ**. У меня ответъ **сомнѣній** не вызываетъ. Глаза горели не очень искренно и не очень долго — и горели они только ненавистью. «**Великая любовь къ людямъ**», отъ которой у Ленина, у Троцкаго, у Сталина, и у всехъ ихъ последователей, якобы происходила нена-

висть къ угнетателямъ, — это слащавая выдумка **плохихъ литераторовъ**.

— «Да какъ же они победили?!» — Такъ, просто и **победили**: въ 1917 году поставили на **безпроигрышную карту**; а **на успѣхъ** ихъ въ **гражданскій** войнѣ ужъ никакъ сослаться нельзя. Въ 1918-20 годахъ театр военных* **действій** менялся непрерывно; все флажки давно сняты съ **забытыхъ** картъ того времени. Но какой бы моментъ **мы** ни взяли, первый же взглядъ на карту обнаружитъ, что большевики имели огромное **материальное** (в* широкомъ смысле этого слова) превосходство надъ всеми своими противниками; оно было во всякомъ случаѣ не меньше, **чѣмъ** то **материальное** превосходство, которое въ 1918 году, при приблизительно равномъ мужестве и силѣ духа обеихъ **сторонъ**, **обезпечило Франціи, Англии, Соединеннымъ Штатамъ** полную победу надъ **Германіей**. Изъ успеха и вообще выводов* следовало бы делать поменьше. Но изъ победы большевиковъ въ гражданской войнѣ **заключенія идейнаго** или моральной характера были бы ужъ совершенно **легковесны**.

М. Алдановъ.

Школа въ Россіи и революція

1.

Осенью 1932 года школьная политика советской власти **всгупила** въ новую характерную фазу своего **развитія**. Уже 25 августа 1931 года ЦК партіи издалъ **«постановленіе»**, въ которомъ все преды-

душіе совѣтскіе опыты школьной реформы въ **направленіи созданія** новой школы, отвечающей коммунистическому идеалу **образованія**, объявлялись «**левацкимъ уклономъ***» и **«скрытымъ троцкизмомъ»**. За этимъ **рѣшительнымъ** и огульнымъ отказомъ отъ всехъ

новых методов, отчасти заимствованных советской педагогикой у радикальных педагогов Запада, а отчасти ею самой изобретенных, последовало осенью 1932 - го года восстановление «урока, как основной единицы школьного обучения», «руководящей роли учителя», классов (вместо «групп» и подвижность «бригады»), твердой дисциплины в школе, не гнушающейся и наказаний «вплоть до исключения», учебника, как основного пособия обучения, отмены переходных испытаний, «твердого расписания уроков», т. е. всего того, в чем советские педагоги еще недавно усматривали «необходимые атрибуты буржуазной школы», как школы классовой, коренящиеся в особенностях капиталистического строя.

Одновременно с восстановлением структуры старой школы последовало и восстановление в ней традиционных учебных предметов. Как бы высшей точкой этого процесса были два декрета о преподавании истории и географии (16 мая 1934 г.).

После нескольких предварительных вариантов к осени 1934 - 35 г. были изданы уже окончательно «стабилизированные» учебные планы, а также подробные программы к ним с точным распределением учебного материала по годам и даже часам года.

Присматриваясь к новым учебным планам, поражаешься, насколько они напоминают традиционные учебные планы школы «буржуазных государств». Два недельных часа «истории КОМУ. Партии» в последнем классе и один час «обществоведения» в

пяти промежуточных классах (III-VII), — вот все, что осталось от настойчивых попыток заменить «буржуазные» учебные предметы новой «пролетарской» наукой. Из старых предметов отсутствуют ныне в сов. школе только древние языки и Закон Божий.

Учитель, придерживаясь учебного плана и программы, должен «систематически излагать свой предмет» и вести «систематический учет успеваемости учащихся» (т. е. спрашивать задаваемые уроки. Подобно тому, как школе ставится сейчас задача сообщить советской молодежи весь запас знаний, накопленных буржуазной культурой, точно так же и сов. педагогика готова ныне «черпать из богатого опыта буржуазной школы, пользуясь по мере надобности выработанными ею методами». Главная задача школы — «учеба», и этой задачей должна быть безусловно подчинена «общественно - производственная» работа учащихся, которой недавно еще принадлежал приоритет над «теорией». В постановлении от 23 апреля 1934 г. ЦК Партии пошел еще дальше, повелев впредь в начальной и средней школе «не допускать перегрузки детей общественно - политическими заданиями». В соответствии с этим подверглось существенным ограничениям и самоуправление учащихся. Новое положение об ученических организациях, вышедшее в январь 1935 г., устанавливает, что ученические организации создаются лишь начиная с 5-го класса школы. Главная цель их — «помощь учительскому персоналу в поднятии качества учебы и укреплении

сознательной дисциплины». Только в VIII-X классах ученическим организациям*, кроме «укрепления и углубления знаний по отдельным предметам», ставится еще и задача «борьбы, под руководством комсомола, за коммунистическое воспитание учащихся, за расширение кругозора учащихся, за изучение основных трудов Маркса - Энгельса - Ленина - Сталина». Наконец, недавнее постановление ЦК Партии и правительства СССР (от 1-го сент. 1935 г.) вводит отметки, четвертные свидетельства, полугодовые экзамены и форму для всех учащихся не только средних*, но и начальных школ.

Одновременно со стабилизацией учебных основ и программ было принято решение и об издании «стабилизированных* учебников*» по всем предметам и для всех классов. Вновь составленные учебники, пока вышедшие, содержат, разумеется, восхваление советского строя и вождей Партии, в особенности Сталина, но этим и ограничивается весь их коммунизм. Общая их черта — возможно более систематическое и удобопонятное изложение предмета в соответствии с современным состоянием науки. О каких бы то ни было методических новшествах в духе того, что на Западе носить название «нового воспитания», они мало заботятся.

Аналогичные мероприятия были проведены и в высшей школе. И здесь одновременно с запрещением так наз. «бригадной метод» была провозглашена «руководящая роль профессора», которому вменяется ныне в* обязанность «систематическое изложение

в* лекциях* своего предмета», так же как* и «учет успеваемости каждого отдельного учащегося». «Теория», которой недавно еще предоставлялась только одна треть всего рабочего времени учащегося, ныне снова выдвинута на первое место, а «производственная работа», так же, как и «общественно-политическая деятельность» подверглись сильному, часто полному сокращению. Университеты и политехнические учебные заведения, в 1930 - 31 гг. разбитые на так наз. «отраслевые вузы узкой специальности» (в духе теории «слияния учебы с производством»), были вновь восстановлены. В* Московском и Ленинградском университетах были с 1934 - 35 гг. восстановлены даже исторические факультеты. Восстановлены учения степени (кандидата и доктора), являющиеся ныне условием занятия преподавательских и профессорских* должностей в вузах. Студенческим организациям Комсомола было предписано не вмешиваться в управление высш. уч. заведениями и преподавание, направив свою «борьбу» в первую очередь на «повышение качества учебы».

Как известно, «борьба за повышение качества» есть общий лозунг второй пятилетки. В области школы эта необходимость остановки для «освоения» чисто статистических успехов выступила с особенной наглядностью. Что этот новый поворот от количества к* качеству есть прямое следствие предшествующей школьной политики, приведшей к крайнему разжижению, а часто и полному уничтожению школы, и что он составляет таким образом необходимый этап всей

школьной политики сов. власти, — это не подлежит никакому сомнению. От старой «буржуазной» школы нынешняя советская школа отличается не своей внутренней структурой, а только своей коммунистической идеологией, которая, сознавши свое **безсиліе** сотворить новый «пролетарский» тип школы и новые методы обучения и воспитания, все более и более вырождается ныне в простую фразеологию. Составляет ли эта реставрация старой школы только часть более общего «Термидора» в Сов. России, это вопрос, в обсуждение которого мы не можем здесь вдаваться. Оставаясь в области школы, следует во всяком случае признать, что «стабилизация» ее зашла уже ныне так далеко, что в этой области можно уже, пожалуй, с **нѣкоторымъ основаніемъ говорить** обь «окончании Революціи». Новый образъ пореволюционной школы выступаетъ съ каждымъ годомъ, даже съ каждымъ месяцемъ все яснее и определеннее въ **отдѣльныхъ** своихъ чертахъ. Что эта пореволюционная школа **есть** нечто совсемъ иное, чемъ школа дореволюционной, «царской» России, — это не подлежит уже сейчасъ никакому сомнению. «Возвратъ къ старой школе» **отнюдь** не означаетъ возстановленія «царской» или даже «думской» русской школы. За время Революціи внутри организма русской школы произошли глубокие сдвиги, зь корне изменившіе ее структуру и образъ. «Царская» школа ныне безповоротно разрушена Революціей, и на ее **мѣстѣ** теперь утверждается, скажемъ даже — растетъ и развивается школа, общее строеніе и **отдѣльныя** черты которой

существенно разнятся отъ школы царской России. Другой вопросъ, являются ли эти сдвиги «достиженіями», и если да, то какой ценой, т. е. ценою какихъ «сниженій» внутри самаго школьнаго дѣла они куплены, и, наконецъ, не были ли они уже хотя бы отчасти заложены въ **тенденціяхъ** развитія русской школы до Революціи. Не вдаваясь подробно въ эти вопросы, ограничимся только **голымъ изложеніемъ** итоговъ и краткой характеристикой школы въ СССР, какъ она вырисовывается нам* сейчасъ, 18 лѣтъ после начала Революціи.

2.

Оценивая состояніе русской школы до революціи, многіе не **учитываютъ** того факта, что Россія была колониальной Имперіей, и что, следовательно, школьное дело ея въ **цѣломъ** можетъ быть сравниваемо не съ школой европейскихъ государствъ, какъ Германия, Австро-Венгрія, Франція и Англія, но съ **школьнымъ дѣломъ** колониальныхъ же имперій, какъ Французская, Британская, Нидерландская. Если Россія отставала въ состояніи своего школьнаго дела отъ **европейскихъ** государствъ, то взятая въ **целомъ***, какъ колониальная Имперія, она съ успехомъ могла выдержать сравненіе съ другими колониальными имперіями. Съ **традиціей** безграмотности было решительно порвано уже после революціи 1905 года. Безспорнымъ **достиженіемъ** этой революціи **явился безпримѣрный** рост* школы въ Россіи за десятилетіе 1905-1915 гг. За это время число **учащихся въ начальной** школе возросло более чемъ въ два **раза**, такъ что начальная школа,

охватывавшая в 1904 г. меньше трети дѣтскаго населенія, охватила уже в 1915 г. 50% всехъ дѣтей школьнаго возраста. Еще черезъ десять летъ, т. е. къ 1925 году, всеобщее обученіе въ видѣ обязательнаго посѣщенія четырехлѣтней школы должно было быть фактически введено на протяженіи всей Россійской Имперіи, и тогда послѣдняя не только бы догнала, но и перегнала всѣ извѣстныя намъ колониальныя имперіи. Что это были не отвлеченные планы либеральной Государственной Думы, а реальное школьное строительство земскихъ и городскихъ дѣятелей,—объ этомъ свидѣлствуетъ нѣтъ никто иной, какъ сама Н. Крупская. Въ одной изъ своихъ статей, написанныхъ ею въ 1912 году, Н. Крупская, критикуя предположенія Думской коммисіи и темпъ школьнаго строительства, писала, что если дело будетъ такъ продолжаться, то введете всеобщаго обученія будетъ фактически закончено только черезъ 15 летъ, т. е. въ 1928 году.

Нетерпеливая Н. Крупская! По даннымъ советской статистики, советская начальная школа охватила въ 1928 году только 75% детей школьнаго возраста. Полный охватъ произошелъ лишь три года спустя, после героическихъ успѣховъ такъ наз. «культурнохода» 1930 - 31 гг., когда осенью 1931 года ЦК Партіи провозгласилъ введеніе всеобщаго четырехлѣтняго обученія законченнымъ*.

Уже всецело на счетъ советскіхъ 1 го строя и октябрьской революціи следуетъ отнести тотъ способ*, которымъ было введено всеобщее обученіе. По проекту Думскаго закона, обязательность посѣщенія школы должна была вводиться по-

степенно въ отдѣльныхъ губерніяхъ по мѣрѣ завершенія въ нихъ плановъ школьнаго строительства. Закономъ обезпечивался надлежащій уровень школьнаго обученія, въ частности надлежащій уровень школьныхъ помѣщеній, а также и учительства, для котораго окончаніе учительской семинары или средней школы соответственнаго уровня считалось необходимымъ образовательнымъ цензомъ. Советская власть напротивъ начала съ голаго провозглашенія обязательности обученія. Только въ 1925 г. были изданы для отдѣльныхъ республикъ декреты о школьномъ строительстве, по которымъ введете всеобщаго обученія должно было закончиться въ 1931-32 гг. Опытъ 1925 - 28 гг. однако показывалъ, что темпъ расширенія школьной сети на дѣлѣ значительно отстаетъ отъ предположеній декретовъ, так* что, согласно первоначальному пятилѣтнему плану, введете всеобщаго обученія было отложено до 1933 г. Ликвидация правой оппозиціи и замена выработаннаго ею плана «хозяйственной реконструкціи» «пятилеткой въ четыре года» смела и все схемы школьнаго строительства, выработанныя на местахъ во исполненіе декретовъ о введеніи всеобщаго обученія. «Культурноходъ» 1930 - 31 годовъ ввел* всеобщее обученіе, отбросивъ въ сторону все схемы и планы строительства, какъ «палки въ колеса», которыя правая оппозиція ставитъ «энтузіазму массъ» и «культурной революціи». Въ результатѣ всеобщее обученіе было введено безъ яличія необходимыхъ для этого школьныхъ помѣщеній и при отсутствіи кадровъ подготовленнаго учительства.

Согласно послѣднимъ совет-

скимъ данным*, въ 90% школ* занятія ведутся въ три смены, т. е, фактически въ среднемъ 3 часа въ день, школа обезпечена лишь на 40% необходимыми для нормальнаго хода занятій помещеніями. А что касается учительскихъ кадровъ, то только около 50% учителей начальныхъ школъ («четырёхлѣткі») имеютъ законченное педагогическое образование въ объеме педтехникума (соответствующаго по своему уровню учительской семинарии до-революціоннаго времени), около 40% учителей окончили только неполную среднюю школу («семилетку»), дополненію краткосрочными учительскими курсами, а свыше 10% этихъ «краткосрочниковъ» окончили даже только начальную школу, т. е. школу того самаго уровня, въ которой они преподают*. Къ тому же школа только на 30% нормальной потребности обезпечена учебниками, учебными пособиями и даже тетрадями. Неудивительно, что, по утверждению самаго ЦК Партии, школа, особенно въ деревне, лишь въ отдаленной степени напоминаетъ то, что, вообще говоря, принято называть школой. И вполнѣ понятно поэтому, что, отложивъ на неопределенное время введение семилѣтняго обязательнаго обучения, постановление о котором* было принято Партией по окончаніи «культурнохода», советская власть поставила очередной задачей второй пятилѣтки «освоение всеобщей четырехлѣтней начальной школы». Конкретныя мероприятия въ направленіи этой «освоения» были приняты лишь однако въ 1934 - 35 учебномъ году. Постановленіе Совнаркома СССР и ЦК Партии отъ 28 февраля 1935 г. требуетъ «ликви-

дировать къ осени 1935 г. въ школахъ крупныхъ городов*, а къ осени 1936 г. во всѣхъ юрорских* школахъ СССР третью смену, так* же, как* и порядокъ занятій безъ единаго дня отдыха (такъ называемую непрерывку) и безъ постоянныхъ классныхъ помещеній для учащихся». Занятія въ школахъ въ две смены должны быть ликвидированы въ крупнейших городахъ въ 1937 г., а во всем* СССР въ 1938-мъ году. Къ осени 1937 г. все «краткосрочники», не сдавшие экзамена въ объеме неполной средней школы и по дополнительнымъ педагогическимъ предметамъ, должны быть из* школы удалены. Завѣдывающими начальными школами могутъ впредь состоять только лица, окончившія педтехникумы, а директорами средней школы—окончившія педагогическіе институты и имеющие трехлѣтний стаж*.

Сейчасъ еще преждевременно судить, въ какой мере увенчаются успѣхомъ эти усилія сов. власти поднять качество школы. Вполнѣ ясно вырисовывается зато рѣшительное изменение въ структуре управленія и финансированія начальной школы, происшедшее за время революціи. Въ Советском* Союзе финансированіе начальной (да и средней) школы лежитъ всецело на местных* органахъ управленія, представляющихъ, вообще говоря, меньшія территориальныя единицы (город. совѣты, колхозы, правленія отдѣльныхъ государственныхъ предприятий), чѣмъ прежняя земства. Несмотря на это распыленіе финансирования школы, контроль государства над* школой напротивъ чрезвычайно усилился. Всякъ, даже незначительныя отступленія

отъ учебныхъ плановъ, возможны только съ разрѣшенія республиканскихъ наркомпросовъ, множество языковъ, на которыхъ происходитъ обученіе въ начальной школе, мало что мѣняетъ въ этомъ крайнемъ униформированіи школьнаго обученія. Механический характеръ централистско-бюрократическаго надзора не вызывается однимъ только стремленіемъ закрепить въ школе господство безраздельно властвующей официальной идеологии, но имеетъ свои причины и въ общемъ низкомъ матеріальномъ и культурномъ уровне органовъ, непосредственно заведывающихъ школьнымъ дѣломъ, а также въ низкомъ образовательномъ уровне учительства. Какъ известно, въ Америке (въ особенности въ Канаде, но отчасти также и въ Соед. Штатахъ) эти и послѣднія причины, совокупно съ аналогичнымъ распыленіемъ финансированія школьнаго дела, точно такъ же обусловили ростъ единоличной власти такъ наз. суперинтендентовъ; заведывающихъ школьнымъ деломъ «провинцій» и «штатовъ». После войны въ американской школьной политике замѣтны все больше тенденціи къ «европеизаціи», замѣтно стремленіе перейти отъ прежней механической стандартизаціи школьнаго дела къ качественной его стандартизаціи. Въ Россіи революція напротивъ привела къ тому, что — при всехъ сделанныхъ выше оговоркахъ — можно было бы назвать «американизаціей» школьнаго дела

Эта американизація проявляется съ особенной силой въ измѣненіи общаго характера учительства. До войны русское учительство представляло собою какъ бы особое

сословіе, тяжелый характеръ его часто недостаточно оплачиваемаго труда возмещался стабильностью профессіи. Въ Сов. Союзѣ учительская профессіи мало чѣмъ отличается отъ другихъ профессій. Какъ и въ Америке, она не только не носитъ характера привилегированной профессіи, но стоитъ весьма невысоко въ общественномъ мнѣніи. Положеніе учителя ничѣмъ не отличается отъ положенія всехъ другихъ служащихъ сов. учреждений и предпріятій. Его назначеніе, повышение по службѣ, даже фактическое вознагражденіе полностью зависятъ отъ усмотрѣнія его непосредственныхъ* работодателей. Неудивительно, что более активная и способная молодежь избѣгаетъ профессіи учителя и при первой возможности старается обменять место учителя на нечто более выгодное. Советская власть борется съ этимъ, запрещая назначеніе лицъ со специальнымъ педагогическимъ* образованіемъ на другія должности. Но пока что эти чисто запретительныя меры остаются по видимому безуспешными, о чемъ* свидѣтельствуетъ* крайняя, чисто американская «текучесть» учительскаго персонала, такъ же, какъ и решительное преобладаніе женщинъ среди учительства, подобно тому, какъ это наблюдается и въ американской школе.

3.

Аналогичные итоги — огромное увеличеніе числа учащихся при чрезвычайномъ сниженіи уровня школы и качества преподаванія — наблюдаемъ мы и въ области средняго образованія. Ныне годъ «средней школой» понимается въ Сов. Россіи всякая школа, возвы-

шающаяся надъ уровнемъ четырехлѣтней школы. Чтобы сравнить поэтому советскую школьную статистику съ дореволюционной, слѣдуетъ къ 600 000 учащихся въ разныхъ типовъ сред. школе въ 1914 году прибавить еще около 300.000 учащихся «высшихъ начальныхъ училищъ» (4-хкласныхъ школъ, надстраивавшихся надъ школой начальной). Но и въ этомъ случае число учащихся въ средней школе окажется возросшимъ за годы революции более чѣмъ въ 6 разъ (1933-34: 5.500 000). Этотъ безпримѣрный количественный ростъ превосходить даже ростъ числа учащихся средней школы въ Соединенныхъ Штатахъ и Канаде. Здѣсь за то же время число учащихся увеличилось въ 3, а въ Соединенныхъ Штатахъ въ 5 разъ. Правда, Сов. Россіи не удалось все же въ этомъ отношеніи догнать Америки. Изъ 5,5 милл. учащихся средней школы Сов. Союза только около милліона учатся въ «полной средней школе», подавляющая же часть въ «неполной средней школе», уровень которой (даже чисто формальный) ниже америкачской средней школы и даже «высшихъ начальныхъ училищъ» дореволюционной времени. Въ Америке же средняя школа охватываетъ 50, а въ нѣкоторыхъ штатахъ — 65 и даже 80% юношества соответствующаго возраста.

Еще менее благоприятнымъ представится итогъ громадныхъ количественныхъ достижений, если принять во вниманіе материальный уровень советской средней школы и качество обеспечиваемаго ею преподаванія. По послѣднимъ официальнымъ даннымъ и средняя школа работаетъ въ Сов. Союзѣ «нормально» въ две смены, а фак-

тически на 70% въ три смены. Учебниками и самыми элементарными учебными пособиями она обеспечена также въ самой недостаточной степени, а преподавательскій персоналъ ея только на 40% обладаетъ университетскимъ образованиемъ (не всегда законченнымъ), на 20% окончилъ советскіе педагогическіе вузы, а на 40% состоитъ изъ лицъ, имеющихъ только среднее образование. И здѣсь также безоглядный количественный ростъ привелъ къ чрезвычайному разжиженію школы.

Было бы однако односторонне утверждать, что здѣсь имѣетъ место только простое сниженіе уровня и качества. Такимъ оно естественно представляется человеку, привыкшему къ стандарту традиціоннаго «общаго образования» и притомъ не въ одной только Россіи, но и въ Европѣ, где аналогичный процессъ измененія внутренней структуры средней школы въ результатъ измененія ея общественной функцией зашелъ после войны тоже весьма далеко, вызвавъ здѣсь, особенно въ кругахъ высшей школы, хранящей традиціи научнаго образованія, повсеместное сѣтованіе объ упадке средней школы и объ ея «американизации». Въ Европѣ среднее образование возникло, какъ подготовительное къ образованию университетскому, и эта академическая традиція ею продолжала опредѣлять характеръ средняго образования и после того, какъ средняя школа, меняя свою функцию, третерпела целый рядъ поправокъ, пристроекъ и прорывовъ въ результатъ приспособленія къ новымъ жизненнымъ условиямъ. Наряду со средней школой втече-

XIX века возникла и развилась зь мощный организм народная школа сь множеством разнообразных надстраивающихся над ней видовь школы повышеннаго типа. Преодолѣніе этого дуализма, что составляеть послѣдній смыслъ лозунга «единой школы», стало ныне актуальной и центральной проблемой школьной политики. Америка решила эту проблему путемь разрыва сь академической традиціей, построивъ свою среднюю школу, какъ прямое продолжение начальной народной школы. Поэтому средняя школа въ Америкѣ приобрела практическій характерь, не столько въ смысле подготовки къ будущей профессіи своихъ учащихся, сколько въ смысле отказа отъ идеала односторонне научной культуры ума въ пользу развитія самостоятельности мышления, уменья его приспособляться къ конкретной обстановке и разбираться въ практическихъ вопросахъ современной жизни. Американская средняя школа цѣнитъ значительно меньше «знанія», чѣмъ «уменья», и выпускаетъ молодежь, которая на образованнаго европейца производитъ иногда впечатлѣніе совершенно невежественной. Изъ «академической» она стала въ значительной мѣрѣ «политехнической».

Порвавъ сь европейской традиціей научной культуры ума, какъ основы общаго образованія, средняя школа въ Сов. Россіи вступила на путь, который до нея уже прошла американская школа. Въ этомъ смысле американизация русской школы есть фактъ, который можно разнo оценивать, но отъ котораго необходимо должна будетъ отправляться школьная политика въ Россіи. Разумеется, по

сравнешю сь американской школой, средній матеріальный и учебный уровень средней школы въ СССР еще очень низокъ. И такъ какъ среднее образование въ Сов. Россіи сейчасъ не имеетъ своего собственнаго принципа и своей особой традиціи, отличающагося отъ начальнаго только объемомъ знаний, то дальнейшее поднят уровня средней школы сможетъ происходить уже не въ направленіи традиціоннаго неогуманистическаго идеала образованія, а въ направленіи практическаго, «политехническаго» образованія американскаго типа. Для возсозданія средней школы академическаго типа (вроде до-революціонной гимназии или французскихъ лицеевъ) сейчасъ въ СССР нетъ ни предпосылокъ ни перспектив*.

4.

Примитивный характеръ нынешней структуры советской школьной системы выступаетъ еще яснее, если обратиться къ разсмотрѣнію профессиональнаго образованія, примыкающаго къ «единой школе» и надъ нею надстраивающагося. Въ современной Россіи существуютъ три ступени проф. образованія, низшее, среднее и высшее, примыкающія къ начальной, неполной и полной средней школе. Такимъ образомъ, позднѣйшій жизненный путь учащагося въ общемъ предопределяется уже въ самомъ раннемъ возрастѣ типомъ школы, въ которую онъ въ возрастѣ восьми летъ поступаетъ. Правда, формальная возможность перехода изъ четырехлетки зь 5-ый классъ десятилетки или семилетки дана. Но фактическій переходъ затрудненъ низкимъ уровнемъ четырехлетки по сравнешю

и соответствующими классами средней школы, а кончающие семилетку направляются, как правило, в среднюю профессиональную школу*).

Къ низшимъ проф. школамъ относятся въ первую очередь «фабзавучи», которые раньше, будучи любимымъ дѣтищемъ совѣтской педагогики, должны были наиболее полнымъ образомъ осуществлять коммунистический идеалъ «свѣтлая учеба съ производствомъ». Въ 1933 г. фабзавучи были преобразованы въ простые проф. школы низшей ступени съ юридическимъ и 6-ти тысячнымъ курсомъ обучения для рабочей молодежи въ возрастѣ отъ 15 до 18 лѣтъ. Къ нимъ примыкаютъ различные, преимущественно вечерние, проф. курсы, обучение на которыхъ длится отъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ до одного года. Они имѣютъ своей цѣлью «повышение квалификации» тѣхъ, кто уже занятъ въ производствѣ и принимаютъ рабочихъ более старшаго возраста. Даже фабзавучи, предназначенные формально для окон-

чившихъ семилетку, фактически заполнены молодежью, окончившей только начальную школу. Они обеспечиваютъ активной рабочей молодежи более свободную и быструю возможность поднятия своей квалификации, а тѣмъ самымъ и положенія на производствѣ. Такимъ образомъ, въ организации низшаго проф. образования Сов. Россія вступила сейчасъ на путь англо-саксонскихъ странъ. Какъ известно, капиталистическая Англія была классической страной, въ которой принципъ свободная вертикальная восхождения рабочей въ производствѣ (вплоть до должности завѣдывающаго цехомъ и выше) привелъ къ чрезвычайному расцвѣту добровольныхъ «техническихъ классовъ» (въ 1932 г. въ Англіи съ ея 40-миллионнымъ населениемъ числилось около одного милліона учащихся въ вечернихъ технич. классахъ*). Близки по своему характеру къ англійскимъ «техническимъ классамъ» американскіе part-time vocational schools.

Вторую ступень проф. образования составляютъ «техникумы» съ трехгодичнымъ курсомъ обучения для окончившихъ неполную среднюю школу. Советскіе статистики! причисляютъ до сихъ поръ къ техникумамъ и учит. семинаріи («педтехники»), а также фельдшерскія школы («медтехникумы»), есть даже и «музыктехникумы». Высшія техническія учебныя заведения составляютъ третью ступень проф. образования. Поступленіе въ «вузы» обусловлено сейчасъ вступительнымъ экзаменомъ въ объемъ Б полной средней школы.

Если принять во вниманіе, что въ высшихъ учебныхъ заведенияхъ до революціи числилось 125 тыс. студентовъ, а въ низшихъ и

*) Впрочемъ, нельзя недооценивать и еще одного пути къ высшему образованию, открываемая «рабочими факультетами». «Рабфаки» принимаютъ молодежь старшаго возраста (отъ 16 лѣтъ), даже кончившихъ только начальную школу и зарекомендовавшихъ себя работой на производствѣ или политич. деятельностью. Въ 1933 году въ Сов. Союзъ числилось 926 рабфаковъ съ 350.000 учащихся. Большая часть рабфаковъ, будучи вечерними, предоставляютъ возможность «учебы» безъ отрыва отъ производства или службы въ сов. аппарате.

средних проф. школах* развилось всеобщее 275.000 учащихся, то статистические успехи советской власти в области проф. образования представляются особенно грандиозными, и следует признать, что после Революции школьная система СССР «включилась» в хозяйственную жизнь страны в относительно еще более быстром темпе, чем даже школа в Соед. Штатах, где среднее и низшее проф. образование развились, в сущности, тоже только в после-военное время. Впрочем, в отношении достигнутых результатов Советская Россия до сих пор еще значительно отстает в низшем проф. образовании от Англии, а в высшем — от Соед. Штатов. По последним советским данным (1934 г.) в «вузах*» училось в прошлом году около 470.000 студентов (из них 300.000 в промышленных, сельско-хозяйственных и др. «вузах», 25.000 в экономических, остальные в педагогических*, медицинских и иных), в техникумах — около 700.000 (из них 450.000 в собственно технических*, остальные в педагогических — 190.000 и других), а через «фабзавучи» и профкурсы прошло в минувшем году свыше двух, по иным данным даже четырех миллионов человек. Разумеется, и здесь качество обучения не может не быть еще очень низким: проф. школа, не говоря уже о школе высшей, представляет собою самую «тяжелую» часть всей школьной системы, требующую особенно больших инвестиций и времени. И хотя все «вузы» состоят сейчас в ведении союзных хозяйствен-

ных комитетов, располагающих большими средствами, чем республиканские наркомпросы, хотя союзные наркоматы содержат также значительную часть и техникумов*, хотя фабзавучи и профкурсы состоят на бюджете отдельных предприятий, все же и здесь фактически обеспеченность помещениями, учебными пособиями и педагогическим персоналом вряд ли составляет в среднем и половину нормальной, т. е. той, при которой всякая другая власть, кроме советской, сочла бы возможным функционирование учебных заведений.

Не вдаваясь в подробности, остановимся здесь только на высшей школе. В эпоху перьвой революции университеты и политехникумы были разбиты на «вузы» «узкой специальности», так что общее число вузов после этой реформы повысилось с 151 до 537 при одновременном повышении числа учащихся в них с 191 до 272 тысяч*. Уже через два года (1932 г.) советская власть признала свою ошибку созданы на месте крупных учебных организаций* «карликовых вузов*», как писала о них тогда советская печать. Университеты были вновь восстановлены, на этот раз даже на Украине (в 1934 году), где они были упразднены еще в 1921 году. Восстановлены были и старые крупные технические учебные заведения, так что число «вузов» с 390 в 1932 г. сократилось до 297 в 1934 г. Но и сейчас всех высших учебных заведений в СССР числится все же около 400, правда, все еще вдвое меньше, чем в Соед. Штатах* Америки, где и число учащихся (900.000) превы-

пять число учащихся в* соч. мездь вдвое. Очевидно, что основная масса этих учебных заведений, из которых кь тому же многие являются вечерними и даже заочными вузами, не отвечает тому, что принято считать в Европе высшей школой, и можетъ быть сравниваема опять таки только сь американскими колледжами и университетами. Подобно тому, какъ вь этихъ послѣднихъ встречаются академическія степени домоводства и рыбоводства, такъ же и совѣтскіе вузы дают* дипломы свиноводства и молочнаго хозяйства. Какъ известно, изъ массы высшихъ учебныхъ заведений Америки выдѣлается сравнительно небольшая сѣтъ настоящихъ университетовъ (около 30 учебн заведений), образующихъ особую университетскую Ассоциацию ставящую себя целью поддержаніе опредѣленнаго «стандарта» университетскаго образования, соответствующаго старинной европейской традиціи. На аналогичный путь вступила и советская власть, предоставивъ право давать степени кандидата и доктора наукъ только возстановленным* университетамъ и научно - исследовательскимъ учреждениям*, а также ограничивъ кругъ вузов*, обладающих* правомъ наделени степенью «полная инженера». Эта выделяющаяся изъ массы вузовъ группа высш. уч. заведений научнаго типа не охватываетъ сейчасъ и одной четверти всего числа совѣтскаго студенчества.

И во многих* другихъ отношеніяхъ высшая школа в* Россіи, порвавъ сь традиціей европейскаго университетскаго образования, все более и более приближается кь типу американской высшей

школы. Факультеты и совѣты профессоровъ совершенно утратили вь пей быдую руководящую роль, да и самые новые «факультеты» и «кафедры», на которые сейчасъ расчленяются советскіе вузы, более напоминаютъ «департаменты» американскихъ университетов*, чѣмъ факультеты университетовъ европейских*. С* упраздненіемъ автономии высшихъ школъ, управление ими перешло всецело вь руки административныхъ органовъ, ихъ содержащихъ, которые назначают* ректоров*, директоров* и декановъ, пользующихся, как* и вь Америке, единоличной властью.

5.

В* области высшей школы нагляднее всего проявился и еще одинъ существенный сдвигъ вь дѣлѣ народнаго образования вь Россіи, происшедшій за годы революціи. Безъ указанія на него характеристика судьбы школы в* Россіи была бы неполной. Общее число студентовъ высшихъ учебныхъ заведений вь 1915 году распределялось по отдѣльнымъ областямъ Россіи, вь предѣлахъ нынѣшняго СССР, слѣдующимъ образом*: вь учебныхъ заведеніяхъ Петербургскаго округа училось 40% общаго числа всех* студентов*, в* Москвѣ — 33%, в* остальных* мѣстностях* нынѣшней РСФСР — 7%, вь томъ числѣ вь Сибири — 2%, вь предѣлахъ нынѣшней Украины — 20%. Вь 1933 г. в* Ленинградской области училось только 15% общаго числа совѣтскаго студенчества, вь Московской обл. — 20%, Уральской — 4%, Сѣв. Кавказѣ — 5%, Сибири — тоже 5%, вь остальныхъ областяхъ РСФСР — 15%, вь УССР — 23%, в* Белоруссіи

— 2%, в Закавказской республике — 6%, в Узбекистане — 3%, и даже в Туркменской и Таджикской республиках есть сейчас свои вузы, насчитывающие около 1500 учащихся. Революция покончила с преобладанием Москвы и Петербурга, как центров скопления трех четвертей всего студенчества. Провинция и даже колонии бывшей Российской Империи имеют теперь свои собственные вузы и даже университеты (Ташкент, Тифлиси, Баку, Ростов-на-Дону, Иркутск, Воронеж, Владивосток*, Минск, Екатеринбург - Свердловск). Высшее образование стало делом не только новых социальных слоев, но и новых территориальных областей, не только масс, но и отсталых ранее народностей. В еще большей степени же можно сказать о среднем профессиональном и общем образовании, как мы это установили уже для образования начального. И этот процесс начался уже перед революцией (основание университетов в Перми, Саратове, Ростове-на-Дону), продолжался и при первых правительствах* (Иркутск*), но протекал тогда еще в пределах* старой университетской традиции, заботившейся о сохранении традиционного уровня высшей и средней школы. Рязкий разрыв с этой традицией, на который могли пойти только большевики, чрезвычайно ускорил* этот процесс. Произошло значительное поравнение отдельных областей, ценой однако чрезвычайного снижения уровня старых культурных центров, бесспорный подъем окраин за счет бывшей метрополии. Лихорадочное территориальное расширение выс-

шей школы, как* впрочем* и всей школьной системы в целом, приняло характер ее распятия и разжижения, принявшего к концу первой пятилетки такие угрожающие размеры, что сама советская власть оказалась вынужденной принять решительные организационные мероприятия. Надо полагать, что этот центростремительный процесс сейчас закончился и сменился обратным процессом. Но сколько бы этот центростремительный процесс «освоения» ни принимал форм восстановления старых школьных порядков, мы имеем здесь сдвиг, значение которого для будущей России громадно. Под чудовищным внешним давлением московского центра выросли на местах очаги местной, областной культуры, укрепление которых неминуемо приведет к превращению бывшей колониальной империи в реальную, а не, как ныне еще, только фиктивную федерацию.

Сохранить ли эта федерация свой русский, или вообще — российский характер? Период НЭПа был временем наибольшего благоприятствования советской власти домогательствам отдельных национальностей. За это время была украинизирована начальная, средняя, а отчасти и высшая школа на Украине, укрепилась белорусская, грузинская, армянская, татарская школа в соответствующих республиках. В пределах РСФСР были «коренизированы» начальная школа множества средних и малых народностей, для ряда которых в 1928-30 гг. Академией Наук впервые были разработаны алфавиты. Правда, эта «коренизация» была только по форме национальной. По своему «содер-

жанию» школа должна была повсюду воплощать в себя один и тот же «пролетарский» дух. Эта вычитанная Сталиным из Маркса мысль неизменно оставалась руководящей, определяя всю национальную политику сов. власти. Но все же центробежные тенденции отдельных национальностей к концу НЭП'a усилились до чрезвычайности, питаемая впрочем нервно, как своим основным мотивом, стремлением освободиться от коммунизма. Пятилетка положила предел этому национальному движению. Соинавь в города и на новые стройки разноплеменное население, для которого общим языком остается русский язык, выселив миллионные массы наиболее стойкого украинского крестьянства за пределы Украины (а в меньших размерах то же произошло и на Кавказе и в других республиках), вызвав усиленную переброску с места наиболее активных (коммунисты) и культурных (спецы) слоев населения, лихорадочно проводимая индустриализация в корне подорвала национальные движения отдельных народностей. И хотя «коренизация» начальной школы формально продолжается и поныне, параллельно идет в городах и на стройках не только автономных республик РСФСР, но и на Украине и в других союзных республиках явный процесс русификации средней школы и даже школы начальной. В*

высшей школе процесс* этот опять-таки совершается особенно наглядно. В* технических вузах, переданных в 1930 - 32 гг. союзным* наркоматам (главным* образом*, комиссариату тяжелой промышленности, земледелия и путей сообщения), преподавание происходит на русском языке, и даже там, где оно происходило уже на местном языке, замечается переход на русский. В университетах и педагогических вузах переходу этому содействует* повышение* требований, предъявляемых к* кандидатам на должности профессоров и преподавателей, а также разгром* национальных движений на Украине, в Белорусии, в Тифлисе, сильно коснувшийся именно академических кругов. В Средней Азии Ташкентский университет*, подчиненный непосредственно союзному ЦИК'у, а не Наркомпросу Узбекской республики, продолжает быть очагом русского влияния. Советская власть сейчас, по видимому сознательно и систематически, при каждом* случае поддерживает главенствующую роль русского языка, как* общегосударственного и как* общего для всех* народов* Союза языка «социалистической революции». Все говорит за то, что глубокие сдвиги, происшедшие за время революции внутри школы в направлении ее территориального выравнивания*, оставить нетронутым ее общероссийский характер.

С Гессень.